

О Л Е С Я С Т Е Ц Е Н К О

Идеальная СЕМЬЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олеся Стеценко

Идеальная семья

<https://litres.ru/74295168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я установил жучки в домах своих родственников, чтобы узнать правду. И я её узнал: мой прадед считает меня бракованным из-за генов моей матери.

Мне 19. Я вырос в райских условиях, о которых мечтают миллионы. Элитный посёлок, в котором всё правильно: порядок, доброта, безопасность. Но я сбежал в другой мир — реальный. С болью и конфликтами. Вот только я не был готов к жестокости этого мира.

Содержание

1 глава	4
2 глава	10
3 глава	13
4 глава	17
5 глава	23
6 глава	27
7 глава	36
8 глава	42
9 глава	47
9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Идеальная семья

1 глава

Меня зовут Константин. Когда мне было 19 лет, я познакомился с одной семьёй, которая перевернула мою жизнь. Это была идеальная семья.

Я помню их дом. Он был наполнен сладким запахом цветов, которые хозяйка срезала в саду по утрам, и запахом древесины от картинных рам, расставленных повсюду. Хозяйка была художницей. Её муж преподавал в университете, а дети учились в школе. В их доме была невероятная, светлая аура. Ты входил в него и чувствовал умиротворение. По вечерам они собирались всей семьёй за ужином и обсуждали планы на будущее — куда поедут отдыхать, что подарят бабушке на день рождения и как обустроят пустующую веранду. Эти люди были искренними, добрыми, готовыми всегда прийти на помощь. И дети их — такими же.

Рядом с ними всегда было приятно находиться. Ты не ждал от них никаких подлостей, обмана, непонимания или неодобрения. Когда я уходил от них, я как будто возвращался обратно в неидеальный, грязный, лживый мир. В моей

коммуналке пахло перегаром и жареной картошкой, которую соседка готовила на три дня. Я запирался в своей комнате, ложился на кровать и смотрел в потолок. За стеной шумели: молодая пара выясняла отношения. Через полчаса их крики превращались в драку. Я слушал глухие удары и думал о том, что в той, идеальной семье такого не могло случиться. У них и причин-то для ссор не было.

Всё это наводило меня на мысль: как было бы хорошо жить в идеальном обществе с идеальными людьми. Как та семья.

Но где найти такое общество? Я видел лишь единственный путь: создать самому. И начать с малого — создать идеальную семью, вырастить идеальных детей и внуков.

Сейчас мне 81. У меня шестеро детей, тринадцать внуков и один правнук. Я воспитал их такими, какими и хотел — идеальными. Мои дети и внуки не ходили в детские сады и в школу, они получали образование на дому — их обучали их матери. Я не хотел, чтобы «неидеальное» окружение плохо повлияло на них. Они должны были видеть только хороший пример — свою семью. Друзей у них почти не было: дети дружили друг с другом. В общем, они росли в здоровой, благоприятной атмосфере и просто не могли стать плохими людьми. Но при этом они не были изолированы от ми-

ра: они ездили с родителями в путешествия, посещали торговые центры, супермаркеты, кинотеатры. Основное же время проводили дома — с братьями и сёстрами.

Вернёмся в мою молодость. Я решил всё изменить. Я начал много работать и поступил в университет. Учиться решил на психолога — специально выбрал эту профессию, чтобы вытащить себя из той помойки, в которой приходилось жить. Один из преподавателей разглядел во мне не только будущего талантливого профессионала, но и целеустремлённого, трудолюбивого юношу. Он помог мне влиться в круг состоятельных людей, которым я стал предоставлять психологические консультации за хорошие деньги. Мой статус начал расти вместе с доходами.

Очень скоро я нашёл себе подходящую невесту и женился. К моменту, когда у меня родился первый ребёнок, я купил большой дом подальше от города — в уютном, тихом уголке, где почти не было соседей. Так началась новая жизнь.

Когда дети выросли, они получили профессиональное образование также на дому. Есть много серьёзных институтов, где учат дистанционно. Так что, дипломы у моих детей из лучших мест, при этом они не покидали круг своей семьи.

Я много думал о том, чтобы оградить детей от чужого вли-

нения, но не хотел отрезать их от внешнего мира и делать отшельниками. И тут произошло удивительное. Не окружающие люди стали на нас влиять, а мы на них. Глядя на нашу идеальную семью — то, как мы жили, — другие начали буквально меняться на глазах. Коллеги, соседи, друзья (которые тщательно избирались) хотели нам подражать. Люди интуитивно тянутся к хорошему, доброму, особенно когда видят его так близко.

Наши идеи очень быстро начали распространяться. Я оглянулся и понял — моя мечта действительно сбылась! Меня окружает идеальное общество!

Мои дети нашли себе достойных спутников жизни и воспитали таких же прекрасных детей, как они сами — моих внуков. Они построили свои дома неподалёку от нашего с женой дома, так что мы все были соседями. Нашей семьёй постоянно интересовались журналисты, нас показывали по телевизору и ставили всем в пример. Мол, посмотрите, какая семья: ведут здоровый образ жизни, развиваются духовно, делают добрые дела, много учатся и все очень дружные.

Я сделал это. Я счастлив.

Я не смотрю телевизор, не читаю новостей. Я даже не знаю, остались ли ещё на свете плохие люди.

Конечно, остались. Но они где-то там, далеко, в другом мире. Уже не в моём.

2 глава

Меня зовут Лев, мне 19 лет. Мой прадед — сумасшедший. Он помешался на идее идеального общества, и поэтому я должен сидеть дома и соблюдать кучу дурацких правил.

Однажды я познакомился с одной интересной семьёй. Они были необычными — как будто из фильма или книги. Не такими, как все, кто меня окружал.

Им не нужно было много слов, чтобы что-то объяснить. Они выражались кратко, часто ругательными словами, но эти выражения очень быстро передавали весь смысл. Им достаточно было громко крикнуть, и их слушались. Они добились своего грубостью и напором — им не нужно было искать долгих путей. Они могли с помощью хитрости и обмана избежать многих неприятностей. А их прямолинейность делала их очень обаятельными, притягательными людьми.

Я считаю эту семью — идеальной. И я принял решение — я хочу создать такую же идеальную семью и такое же идеальное общество вокруг себя. Я хочу всё изменить.

Мой привычный день. С утра все собираются в столовой на завтрак. Мама просыпается раньше всех: печёт блины, булочки или круассаны, готовит яичницу или кашу, варит кофе, делает свежесжатый сок. После завтрака отец уезжает на работу, мать идёт выгуливать двух лабрадоров, а я принимаюсь за учёбу.

У меня собственный учебный кабинет, оборудованный по последнему слову техники. Я получаю образование, не выходя из дома, посещаю лекции онлайн. У меня, так же как и у других студентов, есть возможность виртуально присутствовать в аудитории, задавать вопросы преподавателю, обсуждать что-то с другими.

Я выбрал профессию юриста. Прадед одобрил мой выбор. Он и не догадывается, что в будущем я хочу стать адвокатом, хочу защищать преступников.

Перед обедом мы идём с матерью на прогулку. Здравоваемся с соседями, интересуемся их делами и здоровьем. Иногда заходим в гости к тётям, дядям, бабушкам. Некоторые мои тёти и дяди примерно моего возраста.

Днём — разные дела. Можем съездить на пляж или в торговый центр, в приют для животных, на выставку или просто в кино. Вечером — спортзал, обязательное чтение книг,

ужин дома или в гостях у родственников. Там начинаются интеллектуальные беседы, размышления, планы на будущее и прочие разборы полётов.

Потом я обычно ухожу гулять в одиночестве. Брожу по роще в наушниках, пиная шишки на тропинке. Или иду к речке и сижу на большом камне на берегу, мечтая о куче друзей, шумных компаниях, путешествиях и приключениях. Или запираюсь в комнате и погружаюсь в виртуальный мир игр, фильмов и чатов.

Всё скучно, однообразно, предсказуемо.

3 глава

Я хотел пойти в армию, но семья не одобрила. В нашей семье ничего не запрещалось, однако неодобренные поступки совершать было не принято. Действовало правило «всё тебе можно, но не всё полезно».

Прадед сказал:

— Наше главное оружие — интеллект.

Остальные его поддержали. Мол, силой уже давно ничего не решается, всё решается цивилизованно. Войны — изжиток прошлого.

Мне интересно, почему же тогда армия до сих пор существует? Если силой давно ничего не решается.

По этому поводу у меня с прадедом был интересный разговор. Не спор, нет, спорить в нашей семье тоже не принято.

— Константин, — так я обращаюсь к прадеду, — представь, что ты президент страны. И в твоей стране нет армии, потому что вы «всё решаете цивилизованно». Что вы будете

делать, если на вас, например, нападут?

— Такого просто не может быть! — смеётся прадед. — Ситуация, при которой на меня, мою семью, мою страну кто-то нападёт — полностью исключена. Войны случаются из-за конфликтов, а конфликтов у нас не бывает.

— Но что, если чужакам понравится твоя земля, твоё богатство, твои ресурсы, и они захотят это отобрать?

— Мой мальчик, перед тем, как начать со мной войну, им, так или иначе, придётся встретиться со мной. Поговорить со мной. А уж после этого разговора, будь уверен, они уйдут с чистой душой и сердцем. И без желания что-то у меня отбирать.

Мой прадед — психотерапевт. Лучший из лучших. Его клиенты исцелялись на глазах, он обучил многих других специалистов и открыл целую сеть лечебных центров. И тут он прав: переубедить кого-то в чём-то ему не составит труда.

Но я затеял этот разговор не просто так и не собирался сдаваться:

— Но! Предположим, что они не собираются вести с тобой никаких переговоров и просто хотят напасть. Как тогда

ты сможешь их переубедить? Как ты сможешь повлиять на них своими «лучами добра»?

— Мой милый, — с улыбкой отвечает прадед, — тогда я отдам им всё, что они захотят. Без войны. Моё богатство, мою землю, мои ресурсы. Всё, кроме моей семьи. Потому что я смогу всё построить заново. Я смогу начать с нуля, как начал когда-то, когда мне было столько же, сколько тебе. Я многого добился, и ещё сто раз добыюсь, если мне придётся.

— А если захотят отобрать семью? — не унимался я.

— Зачем им моя семья? — удивлённо посмотрел на меня старик.

Я не придумал, что ответить.

Прадед потрепал меня по плечу:

— Похвально, что ты думаешь об этом. У тебя естественное мужское желание — защищать. Я горжусь тобой. Однако запомни: наша лучшая защита — наши мысли. В твоём мире будет происходить ровно то, что ты сам в него вступишь. И если ты впускаешь в свои мысли, а значит и в свой мир, насилие и конфликты — то... к сожалению, им там есть место быть. Выбор за тобой.

И вот что ему на такое отвечать?

Была бы это та, другая семья, о которой я уже упоминал, я бы обязательно поспорил. В той семье отец был следователем полиции. Никаких Дедов и Прадедов он не слушал, он был единственным главой семьи. Он бы не запрещал мне пойти в армию, а сам бы туда погнал. А если бы он что-то и запрещал, мы бы поспорили. Я бы стоял на своём, он бы стоял на своём. Возможно, я бы проиграл спор, но он бы уважал меня за настойчивость. И никаких этих заумных речей про мир, мысли и прочую философию он бы мне не говорил.

4 глава

Теперь опишу обычный день из жизни «идеальной семьи». Отец, как я уже говорил, работал в полиции, мать — врачом в больнице. Это была бесподобная женщина! От её шуток болел живот! Она была очень энергичной, шумной, жизнерадостной, но строгой и требовательной. Иногда, воспитывая детей, она воспитывала и мужа.

Детей у них было трое. Старшая дочь, в аттестате которой по всем предметам стояли тройки, сейчас училась в колледже. Она прогуливала пары и частенько являлась домой за полночь. Иногда возвращалась на полицейской машине под конвоем отца, который вёз её с очередного приключения. Средний сын был тихим. Слишком тихим. Учился он довольно-таки неплохо, но постоянно терял свои вещи. Телефоны, рюкзаки с учебниками, пакеты с продуктами, штаны, трусы. А ещё у него постоянно что-нибудь отбирали и ставили ему фингалы. А младший сын был просто младшим избалованным ребёнком. Он ещё ходил в детский сад и особенно, кроме своих детских выкрутасов, не отличался.

Эту семью я узнал благодаря их дочери, с которой пару лет назад познакомился в чате. Мы с ней регулярно переписывались.

сывались. Я был для неё чем-то вроде «жилетки» и «спонсора», а она для меня — чем-то вроде уникального человека, не такого, как все. Общались мы только виртуально, и мне с ней действительно было интересно — интереснее, чем с другими девушками. И пока я сидел буквально запертым в четырёх стенах своего дома, она открывала для меня совершенно новый, другой мир. Я готов был погружаться и погружаться в этот мир с головой, забывая о реальности.

Эта девушка, в отличие от остальных, не пыталась мне понравиться, она рассказывала о себе всё как есть, не приукрашивая. Кажется, она вообще меня за человека не принимала. Возможно, это потому, что я представитель мужского пола, а о нас у неё сложилось мнение, что мы все извращенцы и козлы.

Да, я давал ей деньги. Помимо того, что я учился на юриста, я увлекался программированием и подрабатывал, участвуя в разработках приложений для смартфонов. Если честно, мне некуда было девать заработанные деньги, потому что родители и так мне всё давали, поэтому мне не жалко было потратить на эту девушку любую сумму. Я давал ей столько, сколько она просила: тысяча — так тысяча, пятьдесят тысяч — так пятьдесят тысяч. И мне было всё равно, на что она их потратит: на очередного бойфренда, на новую сумку или на поход в ночной клуб.

О её семье я узнал из её рассказов. В основном это были жалобы. В этом мы с ней очень отличались. Я рассказывал о семье с уважением и всегда старался выставить своих родных только в лучшем свете (хотя они и так были до тошноты правильными). От неё же я только и слышал:

- Отец — пьяная свинья или поганый мусор.
- Мать — злая собака или старая дура.
- Средний брат — тупой урод или лох.
- Младший брат — маленький капризный говнюк.

Через какое-то время мне очень захотелось познакомиться с её семьёй, и она пригласила меня к себе в гости. Кстати, это была наша первая реальная встреча.

Мы обедали в их крошечной двухкомнатной квартире. Её родители совершенно не обращали на меня внимания, видимо, потому что девушка часто приглашала в гости парней. Я имею в виду, что её родители не вели себя так, как обычно ведут себя при гостях: «улыбаются и машут». По крайней мере, в нашей семье. В нашей семье гостей встречают хлебом, солью, караваем и красной дорожкой, посыпанной лепестками роз, а в их семье — ну пришёл и пришёл какой-то пацан. Хотя их отец обратил внимание на мои дорогие часы. Он спросил, откуда они у меня. Я ответил, что это по-

дарок прадеда. Тогда он спросил: «А у тебя очень богатый прадед?» Я ответил: «Не знаю, возможно».

Если честно, я не очень понимаю, что такое богатство. Я просто родился и вырос в условиях, где всё, что тебе нужно, у тебя есть. Позже, когда я увидел, в каком плачевном состоянии находится их ванная комната, и перечислил их матери на карту тысяч восемьдесят на ремонт, их отец сделал вывод, что я точно из семьи богачей.

Я, моя подруга и её братья обедали на кухне (столовой у них не было) огромной пиццей, запивая её колой. В это время их отец с матерью, как ни в чём не бывало, ругались:

— Спрятал банки с пивом в сливном бачке! Думал, что я не найду? А я думаю, почему вода в унитазе жёлтая! Смываю, смываю, она всё равно жёлтая! Вызвала сантехника, пришлось заплатить за вызов!

Тут их дочка Катя пододвигается ближе ко мне и к брату и шепчет:

— Это я банки с пивом открыла. Случайно обнаружила отцовский тайник, хотела туда свою банку спрятать, а там отцовские лежат. Ну я их и пооткрывала.

Мне стало смешно. А вот её брату почему-то не очень.

— Я всё матери расскажу! — говорит брат, поправляя оч-

ки. — И отцу!

— Так, — хмуро посмотрела на него сестра, — я тебе сейчас под вторым глазом фингал поставлю! И руки тогда убрал от моей пиццы!

— Да ладно, я шучу, — виновато промямлил брат.

В это время их отец крепко сжимал в объятиях свою жену с криками: «Я тебя люблю, дорогая моя, единственная женщина! Только перестань орать! Я тебя люблю!»

Младший ребёнок, который сидел с нами за столом и пил колу один стакан за другим, оторвал от пиццы четыре огромных куса, положил их на свою тарелку и побежал в свою комнату. Сестра закричала ему вдогонку:

— Проглот! Ты столько не сожрёшь! Верни быстро два куска обратно!

Такие смешные и милые. Просто идеальные.

5 глава

Полюбил ли я эту девушку? Да. Я полюбил её, её жизнь, её мир. Хотел бы я создать с ней пару? Нет. Мне нужна была единомышленница, а у Кати было «своё» в голове. Но точно сказать не могу, мой это искренний выбор или навязанный семьёй.

Катя просто показала мне другой мир, с другими людьми, не такими, какие с самого детства окружали меня. И мне понравился этот другой мир. Но строить отношения с ней я не планировал.

Кстати, Катя, по её словам, не собиралась вообще никогда заводить серьёзные отношения или семью. Она мечтала жить одна и быть свободной. Она говорила родителям: «Спасибо, что меня родили и прокормили, но дальше я сама». Её отец, конечно же, был другого мнения. Из родительского дома её никуда не пускали. В этом у нас с ней было общее. Только меня, в отличие от неё, за волосы и на полицейской машине домой не притаскивали. Меня удерживали другой, более сильной силой. Психологической.

Я был хорошо... выдрессирован. Запрограммирован с дет-

ства быть скучным, заумным интеллигентом. И первым, кто сломал эту программу, стала Катя. Вначале я не понимал её, даже осуждал, но меня распирало любопытство: неужели так реально можно жить, как она живёт?

Потом я стал смотреть те же фильмы, что и она. Слушать ту же музыку, что и она. Подписываться на те же сообщества и каналы, что и она. Удивляюсь, почему мне раньше не были интересны, например, комедийные боевики? Или фильмы ужасов? Ещё год назад я счёл бы такие фильмы несерьёзными, бессмысленными и жестокими — мне больше нравились документалки или старинные детективы. Но сегодня я с удовольствием посмотрю фильм ужасов или поиграю в онлайн-игру, чем буду читать книгу а-ля «История древней скамейки» или «Современная политика бобров», а если и захочу почитать — то короткий смешной рассказ из какого-нибудь паблика в соцсети.

Раньше, когда в фильмах, книгах и других источниках информации я встречал подобных Кате и её семье персонажей, я думал, что это... всего лишь история. Интересная, увлекательная, но вымышленная история! В жизни таких людей нет. По крайней мере, я с такими не был знаком. Но Катя открыла мне глаза — есть другая жизнь.

И я это, вроде бы, всегда понимал, ведь, в конце концов,

я знал, что учусь дома, а не как все остальные — в обычных школах и институтах (не виртуально!), что общаюсь я, в основном, с родственниками, что посещаем мы не все заведения и не все места в городе. Но я считал это само собой разумеющимся и не заикливался на этом. Кто бы знал, что за приветливой улыбкой какой-нибудь официантки скрывается совершенно другая жизнь! Тяжёлая, но настоящая, увлекательная жизнь! Она улыбалась и говорила «Здравствуйте!», совсем как мы, и я не догадывался, что она-то при этом не живёт как мы!

Благодаря фильмам, книгам, соцсетям и, конечно же, Кате я узнал больше о другой жизни и полюбил её. Я хотел жить такой жизнью. Но пока не знал, как.

Катя не была центром моего внимания, она лишь была человеком, который помог найти свою дорогу в будущее. Пока что всё, чего мне хотелось, это чтобы она была где-то рядом, и помогать ей, когда она об этом попросит. Да и... я ей всё равно не подходил. Я был для неё *никем*, просто добреньким и богатеньким парнем.

Скажу больше: я был для неё полным олухом. В её мире деньги достаются очень тяжело, и их не раздают направо и налево каким-то девочкам. К тому же, её мир был миром материальных ценностей. Чтобы что-то взять, нужно было

что-то отдать, и Катя, как она думала, ничего мне не давала взамен и просто так получала от меня материальную выгоду. Соответственно, я считался олухом и простачком, которого можно легко обвести вокруг пальца. Таких в её мире не любят — ненадёжный, незакалённый.

Она ведь и понятия не имела о том, что даёт мне куда большую ценность, чем деньги.

После той встречи мы продолжали с ней общаться по переписке. И вот сегодня я впервые ей написал:

Меня
всё
достало.

6 глава

«Мы расслабились!»

С такими словами я вошёл в гостиную, где собралась вся моя семья. Кроме девятнадцатилетнего правнука Льва.

Всё шло хорошо. Моя семья жила той жизнью, которую я для них построил. Я уже решил, что так будет всегда. Что все разделяют мои взгляды и хотят жить именно так. Но то, чего я и боялся, произошло. Тонким лучиком в мою реальность стал пробиваться старый, неидеальный мир, от которого я всю жизнь отгораживался. И сегодня этот лучик прожёт огромную дыру в моём сердце: мой правнук от нас сбежал.

— С самого начала, — начал говорить я, — когда мы с Элеонорой поженились и приняли решение жить *не как все*, мы боялись, что недоброе окружение может плохо повлиять на наших детей. Поэтому мы оградили вас от внешнего мира, насколько это было возможным. Спорное решение, понимаю. Я лишил вас свободы выбора, навязывая свою модель. Тем не менее, вы выросли счастливыми людьми. Позже мы поняли, что влияние «плохого» окружения не так опасно, как мы думали. Наше влияние на людей оказалось намного

сильнее — люди хотели нам подражать и менялись в лучшую сторону.

И поэтому мы... расслабились.

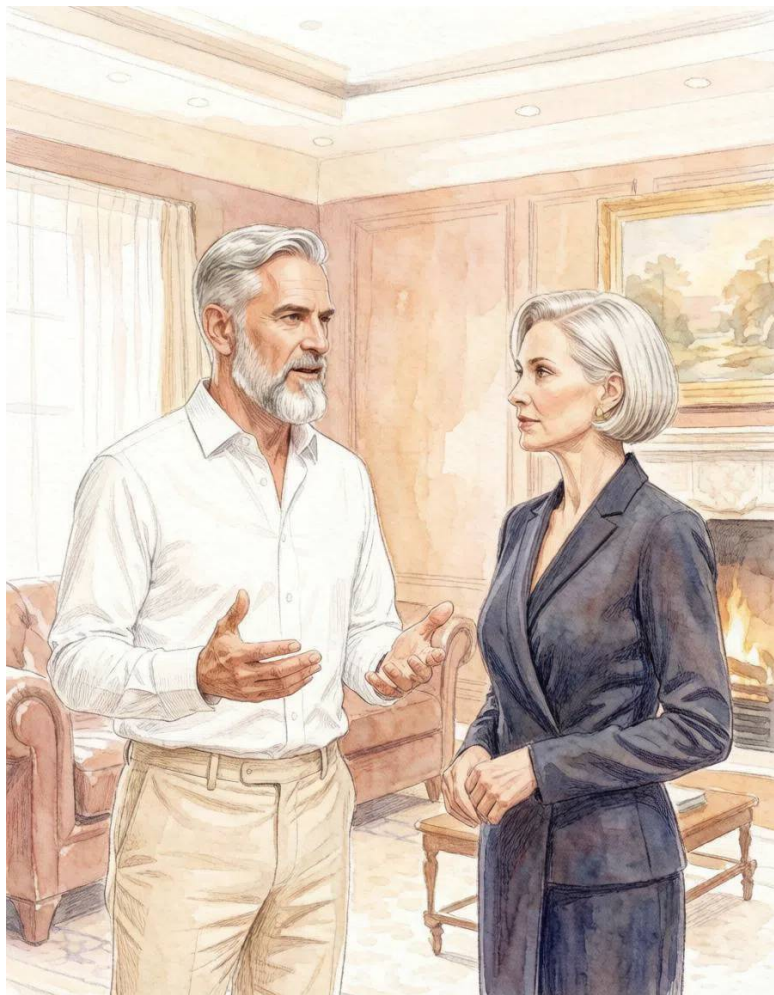
А в это время соцсети, фильмы, онлайн-игры и виртуальные друзья обратили нашего самого юного члена семьи на сторону... в общем, на свою сторону. Таков его выбор. Честный выбор. Мне грустно, но я надеюсь, что он вернётся. И мы по-прежнему останемся семьёй, даже если он решит стать совершенно другим человеком.

— Но я не хочу, чтобы он стал другим человеком! — дослушав меня, возразил старший внук Александр, отец Льва. — Это мой сын! Единственный! И ты знаешь, что других у меня, возможно, не будет.

В нашей династии было принято рожать много детей. После рождения Льва мы ждали следующих правнуков и правнучек от Александра и его жены Ани, но здоровье Ани подкачало — она больше не могла забеременеть.

— Теперь мы поняли, где совершили ошибку, — продолжал Александр. — Мы перестали бояться, что на нашего сына могут повлиять извне. И это, между прочим, твой совет — дать ему больше свободы! Меньше заставлять, меньше за-

прещать... И что вышло?

— Что же ты предлагаешь, — ответил я, — выловить его и запереть дома, как в тюрьме?

— Я не предлагаю пока ничего. Я пришёл за твоим советом. Я просто хочу, чтобы мой сын жил так же, как все мы. Спокойной, счастливой жизнью. Получил хорошее образование, построил дом в нашем посёлке и привёл в него умную, хорошую жену.

Тут вмешалась моя жена Элеонора:

— Оплотность в воспитании вы совершили ещё раньше, до советов Константина. Вы слишком давили на него. Требовали жёсткого соблюдения всех правил, запрещали общаться с другими детьми. В воспитании главное — показать хороший пример, а не требовать.

— Видимо, ему не слишком-то нравился наш пример, — ответил Александр. — Вы же сами были свидетелями его необъяснимых поступков! Помните, когда ему было семь? Он всё время спорил и кричал! А в двенадцать? Он отказывался с нами ужинать, надевать свою одежду, выбрасывал книги в пруд! Я понимаю, что все мы были детьми и иногда выкидывали какие-нибудь фокусы, но не так часто, как он!

— Все мы виноваты, — вздохнула вторая по старшинству

дочь Маргарита. — Мы все слишком опекали его. И баловали.

— Поэтому я настаивала, — снова заговорила Элеонора, — чтобы в семье Саши и Ани появились ещё дети. Лев рос единственным, избалованным ребёнком. А детей в семье, по моему опыту, должно быть много. Как жаль, — Элеонора грустно отвернулась к окну, — что правнук у меня всего один. Доживу ли я до следующих?

— Да, всего один! — развёл руками Александр. — Нам что, по-твоему, нужно было взять детей из детдома?

Гостиная затихла. Взгляды упали на Аню, жену Александра. Потом все отвели глаза, чтобы не создавать неловкую ситуацию. Дело в том, что Аня была девочкой из детдома.

Именно с этим фактом — с тем, что Аня была из детдома, — я связывал то, что Лев отличался от остальных наших детей. Я не находил других объяснений его бунтарскому поведению. Лев с детства рос непослушным ребёнком, и я считаю, что это гены. Все родственники, включая Аню и Александра, знали, что я так считаю.

Аня — прекрасная умная девушка из приличной семьи. Эта семья взяла Аню из детдома, когда ей было пять, и они

воспитали из неё достойного человека. Но гены есть гены. Мы, конечно же, не знаем, какой в детстве была Аня, хотя она сама рассказывает, что воспитывали её очень строго и многое запрещали, поскольку она была своенравной.

Эти методы воспитания Аня часто применяла и к своему сыну. Было ли дело в воспитании или в самом ребёнке, не совсем понятно (потому что я не так часто общался с их семьёй, их ведь у меня много), но Льву действительно приходилось запрещать больше, чем остальным детям, а он, как назло, больше остальных детей нарушал эти запреты.

Когда Льву исполнилось шесть лет и мы стали замечать за ним упрямый характер, мы стали серьёзно задумываться о том, что их семье нужны ещё дети. Александр и Аня на то время даже подумывали взять ребёнка из детского дома, но, зная моё мнение о «плохих генах», они на это не пошли. Я ничего им не советовал и не запрещал, это не моё право, так что их решение было только их решением. Хотя я беспокоился, что Ане может быть обидно из-за моих рассуждений о наследственности. Но я не хотел никого оскорбить своим мнением.

И если это не гены, то я не понимаю... *как*в здоровой и благоприятной атмосфере вырос такой непослушный ребёнок? Ведь другие дети росли куда более послушными и при-

лежными.

После шестнадцати лет Лев вроде бы остепенился и стал более спокойным, он начал учиться в институте и подрабатывать программистом, он очень повзрослел. Для всех он стал тем, кем его хотели видеть, — серьёзным парнем. Но от моих глаз было не скрыть, что он просто замкнулся в себе. И вот результат — сегодня его нет в моей гостиной.

Неловкую паузу прервала сама Аня, решив пошутить:

— Лев вообще-то не один ребёнок в нашей семье, вы забыли про Кеннеди и Альфу?

Гостиная тут же оживилась, мрачные лица повеселели. Речь шла о двух лабрадорах.

Я взял в руки записку, которую Лев оставил своим родителям, и про себя перечитал её. Текст был совсем коротким:

«Мама, папа, простите, что ваш единственный сын не оправдал ваших ожиданий. Я обещаю, что у меня будет светлое будущее и я стану хорошим человеком. Но я стану тем, кем хочу быть».

Эти слова говорили обо всём. О том, что появился чело-

век — причём у меня же под боком, — который, в отличие от многих, не хотел быть частью «идеального общества». Пока все вокруг хотели нам подражать, он совсем не хотел. И это означало только одно — что моя модель идеальной семьи не идеальна.

7 глава

Родственники продолжали бурно обсуждать поступок Льва, его воспитание и его будущее. Больше всего советов сейчас раздавали две моих дочери, которые пошли по моим стопам и стали психологами. Я же молча сидел в сторонке, раздумывая над посланием, которое написал Лев.

Я его понимаю. Он вырос в счастливой, благополучной семье, не видел трудностей и бед. Поэтому не очень-то ценил те блага, которые его всегда окружали. Он ведь и понятия не имеет, сколько я вложил труда в то, чтобы у него было беззаботное детство, знания, здоровье, достаток. Уверен, ему просто стало скучно среди нас — одинаковых людей, и любопытство повело его в другие социальные слои. На поиски «себя».

Да, наша семья была отделена от другого мира, но так всегда было у людей — они всегда делились на отдельные группы: бедные и богатые, преступники и святые, бродяги, религиозники, защитники природы. Это естественно. И наше общество — тоже естественно. Я совершенно не считаю, что пошёл против законов природы или против человеческих законов, решив отделиться от других людей. Я по-прежнему считаю, что то общество, которое я создал, — идеальное.

Но я задумался. Впервые за долгие годы. Если бы какой-то чужой человек считал мою семью неидеальной — человек, который вырос в других условиях и не видел лучшей жизни, — то я бы его понял. Но когда человек из моей же семьи считает нашу семью неидеальной... Это заставляет меня глупо задуматься.

Мои мысли прервал Александр:

— Дед!

Я отложил листок бумаги в сторонку и повернулся к остальным. Разговоры утихли, все взгляды были устремлены на меня.

— Мы ждём только от тебя совета, — сказал Александр.

Я ещё с минуту помолчал. Знаю, последнее слово в нашей семье всегда оставалось за мной. Так у нас было принято. И до сегодняшнего дня я действительно был уверен, что последнее слово должно оставаться за мной. Все свои решения я всегда считал идеальными, я не сомневался ни в единой своей мысли, ни в едином своём слове. Но сегодня засомневался. Прав ли я во всём?

И всё же от меня ждали главного совета.

— Я считаю, — начал я, — что случилось неизбежное. Мир непредсказуем, сколько ни пытайся сделать его таким, как хочешь. Мы делали всё, что могли. Создавали все условия, чтобы наши дети были такими же, как мы. Но Лев выбрал другую жизнь. И это уже никак не изменить. Мы действительно сделали всё, что могли.

По глазам видел, что мой ответ не устраивал их. Впервые я чувствовал себя неуверенно. Но что они от меня хотели? Чтобы я дал какой-то волшебный совет, вроде тех, какие раздают экстрасенсы: «как вернуть мужа»? Я не волшебник. Я обычный человек, который добивался своих целей обычным трудом. На моём пути было немало провалов и разочарований. Конечно, я многого добился и исполнил свою мечту, но не все мои мечты сбылись. Например, я мечтал, что мои родственники — родители, брат с сестрой — тоже изменятся и присоединятся к моему обществу. Но этого не произошло. И я вынужден был практически свести на нет наше с ними общение. Было ещё много таких вещей, на которые я не мог повлиять, и я просто с этим мирился. В моей практике психолога именно смирение труднее всего давалось клиентам. Люди не хотят мириться, не хотят принимать жизнь такой, какая она есть. Они хотят, чтобы всё было по их сценарию. Чтобы всё было так, как они хотят, и не иначе. Но так не бы-

вает. Даже у меня так не вышло.

Сегодня я смирился с тем, что не всем людям нравится моя идеальная семья. Я тоже мог бы, как дурак, начать бороться с этим, пытаться силой или обманом затаскивать людей в свой добрый мир. Но в идеальный мир не затаскивают силой. Люди сами должны хотеть сюда попасть.

— Ты серьёзно? — недоверчиво посмотрел на меня внук.

— Абсолютно, — ответил я.

— То есть, мой сын не будет жить рядом с нами по соседству? Не будет растить своих детишек у нас под боком? Он будет жить где-то далеко, среди жестоких людей?

— Мир полон и добрых людей, — сказал я. — Александр, твой сын взрослый человек. Ему не пятнадцать. Давай примем этот факт. Отпусти его, он уже не маленький. Если он и захочет вернуться, то только если захочет сам. Мы не можем на это повлиять, мы должны оставить его в покое.

Я видел, что мои слова совершенно разочаровали их.

— А если с ним что-то случится? — не унималась Аня.
— Он ведь совершенно не приспособлен к жестокому миру!

Он ведь понятия не имеет о злых людях! Сможет ли он там выжить?

— Вот тогда и вернётся домой, — спокойно ответил я и направился к выходу.

Продолжать этот разговор было уже бесполезно, да и мне сейчас хотелось с головой уйти в какую-нибудь книгу, забыться. Я сказал своё слово, и что они будут делать дальше — это уже их решение. Я всегда так делаю: говорю своё мнение и ухожу. Я даю возможность людям осмыслить мои слова и согласиться с ними или не согласиться. Как правило, все соглашаются. И в этот раз, уверен, тоже согласятся. Я уже знаю: когда я уйду, они начнут обсуждать мои слова.

Моя дочь-психолог Александра скажет что-то вроде: «Отец прав. Вы вернёте сына домой, но вы не измените его убеждения. Он может снова убежать, а вы снова его вернёте. Это сделает его безвольным, безответственным человеком. Он будет думать, что от его выбора ничего не зависит и он не имеет права сделать самостоятельный шаг».

Потом Александр, отец Льва, скажет: «Мы заключим с сыном соглашение. Мы не будем принуждать его соблюдать распорядок дня и многие правила, но с условием, что он останется жить в нашей семье».

Затем Элеонора или кто-нибудь ещё скажет: «У вас уже были подобные уговоры. Дело не в запретах и правилах. Он же написал в записке: он хочет стать другим человеком. Явно не похожим на нас. Пусть увидит другой мир, дадим ему время».

Напоследок, перед тем как закрыть дверь в гостиную, я обернулся к Ане и сказал:

— Он слишком умный, чтобы попасть в какую-нибудь передрагу. Он везде выживет, он умный мальчик. У него ведь наши гены.

8 глава

«Похоже, идеальная семейка ссорится, — я снял наушники и усмехнулся. — Да уж, про гены он сейчас точно зря сказал. Что это было, подкол?»

Когда-то я установил прослушивающие жучки в гостиных всех родственников. И в своей тоже. Чтобы подслушивать семейные собрания. Мне хотелось быть в курсе всех разговоров, особенно, о чём говорит прадед.

Вижу, он не собирается меня возвращать. Неужели он тоже меня ненавидит? Хотя, я уже почти перестал его ненавидеть. Почти.

С детства я чувствовал себя неуютно в этой семье. Меня не покидало ощущение, что за моей спиной есть тайный разговор. Как будто меня готовят к какой-то миссии, как будто в будущем от меня чего-то ждут. Но я всегда хотел распоряжаться своей судьбой сам.

Теперь я понимаю, они лепили из меня копию себя. И это нормально во всех семьях. Но также во всех семьях нормально и то, что их дети не хотят быть копиями родителей, хо-

тят идти другой дорогой, выбирают другую жизнь. Только, в отличие от других, моей семье сложнее принять этот факт, ведь они считают себя идеальными. И — как это так, что кто-то не хочет быть похожим на них? Прадед говорит, что всему виной окружение и СМИ. Люди, мол, перестали чтить семейные традиции, ищут кумиров в интернете, подражают им, не зная ничего об их настоящей жизни. Ведь эти кумиры далеко, а издалека всё кажется привлекательнее.

Благодаря прослушивающим жучкам я знаю всё, что думают обо мне мои родители и прадед. Прадед считает, что я сопротивляюсь семейным традициям из-за генов. Потому что моя мать из детдома, а её биологические родители — алкоголики, которые бросили её на произвол судьбы. Когда много лет назад мой отец привёл мою маму в свою семью и сказал, что она из детского дома, прадед одобрил его выбор и не сказал ничего против. Уверен, позже он пожалел, когда появился я — сорняк в их идеальном саду.

Мне вот интересно, если журналисты узнают, что из идеальной семейки сбежал сын, что прадед им на это скажет?

Я снял себе неплохую двухкомнатную квартиру в тихом районе города и поселился здесь. С Катей.

Это была её идея — сбежать от родителей. Вообще, я бы

хотел жить один, но куда девать Катю? Она ведь тоже не хотела жить с родителями. Я не мог ей отказать — сам в такой же ситуации. Вначале я хотел снять ей отдельное жильё, но на что она будет жить? Она совершенно не приспособлена к самостоятельной жизни — в этом я с её отцом согласен. Поэтому пока будет жить со мной. Моего заработка нам вполне хватит на двоих.

Не знаю, насколько Катя счастлива, что живёт со мной в одной квартире, но этот вариант её вполне устраивает, хотя бы с материальной стороны.

Думаю... даже не думаю, а уверен — мне с ней будет тяжело. Её привычка возвращаться домой за полночь по-любому будет меня раздражать, и, что ещё хуже, я буду за неё переживать — не случилось ли чего? Но, в отличие от её отца, я не смогу ездить забирать её с дежурной бригадой.

И это только половина предстоящих трудностей. Мы с ней по-разному смотрим на будущее, на жизнь. Мы разговариваем на разных языках. У нас разные привычки, разные манеры. Но я не собираюсь её менять. Я собираюсь измениться сам.

Катя меня знает: я никогда не критиковал её, не пытался воспитывать, никогда не говорил ей «ты неправильно жи-

вёшь!» или «тебе пора меняться!». Нет, я был лишь любопытным наблюдателем со стороны и никогда не вмешивался. Ей со мной легко, а мне с ней интересно.

— Хочу есть! — простонал Катин голос из другой комнаты. — Дай денег, я схожу что-нибудь куплю.

— Хорошо, — ответил я. — Я скину тебе на карту пятнадцать тысяч. Это на месяц вперёд, покупай продукты, когда нужно. Когда деньги закончатся, дай знать. Как думаешь, пятнадцати хватит?

— Не парься, хватит. Что тебе купить?

— Купи то же, что и себе.

— Я ем всякую дрянь, ты такое не будешь. Ты же, поди, привык кушать изысканную еду?

— Я же сказал — то же, что и ты. Что ты привыкла есть? Пельмени? Пиццу? Гамбургеры? У себя в гостях ты не заморачивалась, чем меня накормить.

— Тогда мне было пофиг, и нужно было сэкономить. Хотя огромная пицца обошлась не так уж дешево. Но это было легче, чем стоять у плиты.

Обожаю её прямолинейность.

Катя начала одеваться, шурша своими пакетами с вещами, которые до сих пор не разобрала. Через несколько минут она вышла из дома. В магазине она пробыла не так уж долго, и когда вернулась, вот что было в её пакете: йогурты, чипсы, замороженные наггетсы, фрукты, шоколадные батончики, энергетики, газировки и четыре банки пива. Неплохо. Наверное.

— Я взяла нам пива, — радостно сообщила Катя, — самого дорогого. Я вообще взяла всё самое дорогое. Ради тебя. Ты же не ешь дешёвую еду.

Катя права. Но и такую еду я тоже не ем. Вернее, ем, но это не входит в мой ежедневный рацион. Хотя сейчас мне всё равно. Буду есть чипсы, йогурты и запивать всё это пивом.

9 глава

Прошла ровно неделя с того момента, как я ушёл от родителей. С Катей мы жили как соседи. Она привыкла ко мне, иногда садилась рядом и прижималась ко мне, рассказывая какие-нибудь сплетни или невероятные истории. Иногда просила меня её обнять. Домой она возвращалась когда как: иногда под утро, иногда в середине ночи. На учёбу за это время ходила всего пару раз. Я разрешил ей приводить домой своих подруг и друзей, но она сказала, что друзья пока не знают, что она живёт с парнем. Родителям она отсылала фотографии из квартиры, говоря им, что у неё всё хорошо и искать её не нужно. Сказала им, что живёт у подруги.

Ели мы с ней, в основном, те продукты, которые не нужно было готовить. Иногда ходили в кафе. Но последние два дня Катя начала готовить, находя рецепты в интернете. Чему я очень удивился.

— Я с тобой так гастрит заработаю! — упрекающим тоном сказала она мне сегодня из кухни, помешивая суп. — Дома-то нам мама готовила, а ты только и можешь, что в кафе сводить. Но зарплата у тебя не резиновая, и я не хочу, чтобы мы потом совсем сидели голодом, потому что проели

все деньги в кафешках.

— Я могу брать больше заказов, и будет больше денег, — ответил я.

— Тогда я лучше потрачу эти деньги на новое платье, чем на кафе!

— Тебе нужно платье? Пойдём купим.

Катя громко вздохнула, закрыла крышкой кастрюлю и направилась в мою комнату. Войдя, она села рядом со мной на диван и серьёзно посмотрела на меня.

— Лев, ты слишком легко относишься к деньгам, — сказала она. — Твоих богатых мамы с папой здесь сейчас нет. И нужно относиться к деньгам серьёзнее.

И это она говорит мне.

За неделю Катя промотала больше восьмидесяти тысяч рублей. Моих денег. Наших. Я ни в чём ей не отказывал. Она тратила на ночные клубы, выпивку, друзей, одежду. Не знаю, на что ещё.

Возможно, о деньгах она задумалась после того, как я ска-

зал ей, что у нас нет денег на путёвки в тёплую страну. Кате вдруг захотелось путешествовать. Она пришла в мою комнату, весёлая и мечтательная, делясь своими фантазиями о том, как она видит себя и меня отдыхающими на красивом пляже у моря. Я и сам хочу путешествовать, но когда яглянул на остаток средств на карте, понял, что пока рановато.

И когда сегодня Катя заявила мне, что я несерьёзно отношусь к деньгам, я просто погладил её по голове, улыбнулся и сказал:

— Хорошо, я буду ответственнее.

Моя жизнь, как и Катина, за эту неделю особо не изменилась. Я не бросил учёбу и продолжал посещать лекции, работал, в свободное время много гулял. Я гулял в тех местах, в которых раньше не бывал. Мне интересна была другая жизнь. Я общался со всеми подряд: с дворниками, официантами, почтальонами. Я заходил в местные бары, брал кружку пива и болтал с кем-нибудь из посетителей или долго разговаривал о жизни с барменом. Я пытался проникнуться их миром, стать таким же, как они. Но у меня плохо получалось. Чтобы быть таким, нужно было здесь родиться и вырасти. Они видели во мне другого человека — более умного и воспитанного. А ещё, как говорили некоторые из них, духовного.

Я заметил, что люди при мне сильно менялись. Минуту назад я слышал, как бармен очень грубо разговаривал с посетителем, а когда к нему обратился я, тот же бармен совсем по-другому начал со мной разговаривать — вежливо, доброжелательно. И так было со всеми людьми. Даже если кто-то случайно грубил мне — потом искренне извинялся. Например, одна женщина крикнула на меня, когда мыла полы, а я прошёлся в грязной обуви по её чистому полу.

— Ох, извините меня, — сказал я. — Я могу это как-то исправить?

Женщина посмотрела в моё лицо и тут же смущённо заулыбалась:

— Это вы простите меня, молодой человек.

Я не искал приключений и не нарывался на конфликты. Я просто знакомился с новым миром.

Возвращался домой я не намного раньше Кати. Хотя она всё равно приходила позже меня. Как и сегодня. Я вернулся домой около часу ночи, гуляя в одиночестве по набережной, а Кати ещё не было дома. Мне пока не хотелось спать, я сделал себе бутерброд и решил немного поработать. Через ка-

кое-то время раздался Катин телефонный звонок:

— Лев, меня не выпускают из квартиры! Я заперлась в ванне! Забери меня!

Первое, что мне пришло в голову, — это позвонить её папе. Но я не мог подставить Катю. Я сильно растерялся.

— Это какие-то бандиты! — со слезами полушёпотом говорила Катя. — Моя подруга меня бросила, я осталась одна. Они не отпускают меня. Я не знаю адрес. Найди и забери меня!

— Хорошо, успокойся. Скоро буду, — ответил я и закончил вызов.

Я определил Катино местоположение через приложение на телефоне. Настроил ей его в первый же день нашего совместного проживания — так было принято в моей семье, и я считал эту функцию очень удобной: в любое время я мог видеть местоположение любого члена нашей семьи. Например, если я хотел прийти в гости без приглашения — обязательно перед этим проверял, дома ли родственник. Перед тем как сбежать из дома, я, конечно же, отключил для всех свою геолокацию.

Затем я вызвал такси и поехал за Катей. У меня не было оружия, я не позвонил в полицию, я был совсем один и не понимал, что делаю.

По дороге я переписывался с Катей и узнал, что квартира съёмная, этаж второй, подъезд то ли второй, то ли третий, квартира на площадке сразу справа. Когда я подъехал к дому, минут десять я ещё потратил на то, чтобы попасть хоть в какой-нибудь из двух подъездов, так как двери были заперты и соседи не хотели меня впускать. Тогда я впервые решил соврать: я позвонил в домофон и сказал женщине, которая ответила, что я полицейский и мне нужно срочно попасть в подъезд, так как в одной из их квартир совершается преступление. Я говорил очень убедительно и хорошо подделал строгий голос. Не зря же я смотрел боевики. И меня пропустили.

К счастью, подъезд я угадал. Стоя перед дверью, я не знал, что буду делать и говорить, если мне её откроют. Но открывать мне её и не спешили. Я не переставая барабанил в дверь и через какое-то время, наконец, услышал в квартире звуки шагов. Когда дверь открылась, к моему лбу тут же был представлен ствол пистолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.